

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»

Факультет филологии и массовых коммуникаций
НИИ филологии и межкультурной коммуникации

**Россия – Запад – Восток:
взаимодействие культур и литератур**

**Международная научная конференция
22–23 октября 2015 г.**

г. Чита

Київський національний лінгвістичний
університет

З ОРИГИНАЛОМ ЗГІДНО

Учений секретар спеціалізованої вченої ради

К 26.054.06 Шумиш М.В.

(підпис)

Чита

Забайкальский государственный университет

2015

УДК 82:008(082)
ББК 83.3(0):71я43
ББК Ш 33(0):41я43
Р 76

Рекомендовано к изданию
Советом по научной и инновационной деятельности
Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия

Т. В. Воронченко, д-р филол. наук, профессор (отв. редактор)
А. Э. Михина, канд. пед. наук (отв. секретарь)
С. И. Чугунова, канд. филол. наук

Р 76 **Россия – Запад – Восток: взаимодействие культур и литератур** : междунар. науч. конф. /
Забайкал. гос. ун-т ; отв. ред. Т. В. Воронченко. – Чита, 2015. – 138 с.
ISBN 978-5-9293-1472-8

Сборник посвящён памяти А. В. Ващенко, известного российского учёного, филолога-американиста. В издании представлены материалы исследований учёных, представителей различных научных школ России (Москва, Симферополь, Казань, Новосибирск, Владивосток, Чита), Украины (Киев), Беларуси (Минск), Азербайджана (Баку) и Таджикистана (Душанбе), участников международной научной конференции «Россия – Запад – Восток: взаимодействие культур и литератур» (22–23 октября 2015 г.), посвящённой Году литературы в Российской Федерации.

Научные статьи отражают тенденции развития современных гуманитарных исследований и посвящены таким актуальным проблемам, как культурная и языковая гибридизация и её отражение в литературе; межэтнические и межнациональные аспекты решения проблемы организации художественного пространства; определение идентичности автора и героя; концептуальные и ценностные аспекты литературы и языка; этнокультурный аспект гуманитарного образования.

УДК 82:008(082)
ББК 83.3(0):71я43
ББК Ш 33(0):41я43

СОДЕРЖАНИЕ

I. КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Вступительное слово	5
<i>Высоцкая Н. А.</i> Процессы культурной гибридации и транскulturации как факторы смыслопорождения американского «текста»	8
<i>Клименко Т. Н.</i> Архетип «превращения» в романе Дэниела Уоллеса «Крупная рыба».....	14
<i>Принеслик Е. А.</i> Биография культурного гибрида в романе Аны Кастильо «Сапогония».....	20
<i>Михина А. Э.</i> Языковая и культурная гибридация в литературных произведениях О. Робски.....	26

II. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

<i>Романов И. А.</i> Пространственная и метафизическая окраина в поэзии И. Бродского	30
<i>Рахнянский В. В.</i> Топос Мексики в автобиографическом романе Ричарда Родригеза «Время долга: диалог с моим мексиканским отцом»	35
<i>Любимова Л. М.</i> Региональная литература как способ отражения особенностей локального сознания и пути его вербализации	40
<i>Коровина С. Г.</i> Функции хронотопа в азиатско-американской прозе (Эми Тань)	43
<i>Чугунова С. И.</i> «Локальное» и «глобальное» в романе Тони Моррисон «Рай»	46
<i>Костина И. Н.</i> Особенности создания художественного пространства в романе немецкой этнической писательницы Катерины Поладян «Где-то ночью».....	50
<i>Гладких Е. А.</i> Калифорнийская золотая лихорадка в изображении американских писателей середины XIX века (к проблеме взаимодействия культур).....	52
<i>Колпакова Т. В.</i> Байкальский регион РФ в условиях трансграничного взаимодействия с КНР	57

III. «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» – «ДРУГОЙ»: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТИ АВТОРА И ГЕРОЯ

<i>Стулов Ю. В.</i> Идентичность и «инаковость» в современном афроамериканском романе	62
<i>Бутенина Е. М.</i> Образ «Другого» в литературе США середины XIX – начала XX века.....	66
<i>Васильева Г. М.</i> К истории одного псевдонима: Семперверо (поэт и переводчик Михаил Четвериков)	71
<i>Карасик О. Б.</i> Еврейская литература США: к вопросу об этнической идентичности	75
<i>Фёдорова Е. В., Муратов М. Н.</i> Миф об Ацтлане в романе Алехандро Моралеса «Чума тряпичной куклы» (1992)	81

IV. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

<i>Камедина Л. В.</i> Русь – Восток – Запад: взаимодействие культур в поэзии Михаила Вишнякова	84
<i>Ерофеева И. В.</i> Репрезентация социальных концептов русской культуры в медиатексте	89
<i>Татарникова Л. Р.</i> Аксиосфера современной массовой литературы	93
<i>Гречишкина С. В.</i> Концепт «еда» в романе азиатско-американского писателя Джеффри Пол Чана «Попробуй на вкус всё прежде, чем умрёшь»	96
<i>Дробная Е. В.</i> Христианские смыслы иллюстраций к «Слову о полку Игореве» (XX в.)	103
<i>Абдували Махкамов.</i> Гуманизм и миролюбие Саади в поэме «Бустан»	107

волизирующая поэтическое творчество, ставится рядом с Паркой, ткущей нить жизни. Творчество оказывается итогом духовного поиска и залогом продолжения жизни, а жизнь – несмотря на весь её ужас – необходимым условием творчества.

Список литературы

1. Бродский И. Профиль Клио // Звезда. 2000. № 5. С. 10–21.
2. Иванов Вяч. Вс. К истории птичьего мифологического эпоса // От мифа к литературе. М.: Наука, 1993. С. 21–24.
3. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук: АСТ: ВАКЛЕР, 1997. 384 с.
4. Лурье С. Свобода последнего слова // Звезда. 1990. № 8. С. 142–146.
5. Романов И. А. Духовный смысл джаза в поэзии И. Бродского // Иосиф Бродский в XXI веке. СПб.: Филол. фак. СПбГУ: МИРС, 2010. С. 25–29.
6. Романов И. А. Лирический герой И. Бродского: преодоление маргинальности в контексте поэтики транзита. Новосибирск: Наука, 2011. 168 с.
7. Романов И. А. Русская литература новейшего времени. Поэтика транзита: учеб. пособие. Чита: ЗабГГПУ, 2009. 120 с.
8. Славянский Н. Из страны рабства – в пустыню: о поэзии Иосифа Бродского // Новый мир. 1993. № 2. С. 236–243.
9. Сочинения И. Бродского: в 7 т. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 304 с.
10. Сочинения И. Бродского: в 7 т. Т. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 304 с.
11. Сочинения И. Бродского: в 7 т. Т. 3. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 304 с.
12. Сочинения И. Бродского: в 7 т. Т. 4. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 304 с.
13. Топоров В. Н. Об «экзотропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. М.: Наука, 1993.
14. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 431 с.
15. Pilschikov J. Brodsky and Baratynsky // Literary Tradition and Practice in Russian Culture / Eds. J. Andrew, V. Polukhina, R. Reid. Amsterdam: Rodopi, 1993. 341 p.
16. Polukhina V. Yosiph Brodskiy: A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 244–248.

УДК 812.6

В. В. Рахнянский,

*Киевский национальный лингвистический университет,
Киев, Украина*

Топос Мексики в автобиографическом романе Ричарда Родригеза «Время долга: диалог с моим мексиканским отцом»

В статье рассматривается проблема этнической идентичности, поднимаемая Ричардом Родригезом в его автобиографическом романе «Время долга: диалог с моим мексиканским отцом» (1992). В данной книге рассказчик надевает маску личности через дефис, в которой ярче проявляются черты мексиканской культуры.

Ключевые слова: *топос Мексики, личность через дефис, Ричард Родригез, поликультурное пространство.*

The article deals with the problem of ethnic identity raised in the narrative of Richard Rodriguez's autobiographical novel "Days of Obligation: An Argument with My Mexican Father" (1992). In this book the narrator puts on the mask of a hyphenated identity turned more to his Mexican "part".

Keywords: *the topos of Mexico, hyphenated identity, Richard Rodriguez, multicultural land.*

Писатели – выходцы из Мексики, среди которых иммигранты нескольких поколений, последовательно утверждают художественную самобытность мексикано-американской литературы, делают акцент на унаследованных изменениях в своей культуре и словесности. Из этого следует, что вопросы эстетической ценности и новаторства в сфере художественного слова современных писателей-чикано образуют актуальную сферу литературоведческих исследований. Личность современного романиста, эссеиста и телерепортёра, лауреата самых престижных национальных литературных премий – Ричарда Родригеза – безусловно, заслуживает включения в круг данных исследовательских перспектив. На сегодняшний день в украинском и российском научном дискурсе существует ряд работ, посвящённых мексикано-американской прозе и рассматривающих её с использованием разных методологий (Т. В. Воронченко, М. Д. Мальцева, С. В. Плотников, А. Советная, Н. Н. Сокольских).

В творчестве американских этнокультурных писателей ощущение транскультурности выражается в большинстве случаев через проблематику миграции, которая точно определяет экзистенциальное состояние субъекта современного мультикультурного общества. Опыт изгнания и самоощущение нового обитателя «космополиса» не уничтожает полностью важности ощущения определённого пространства, места, а также позволяет почувствовать эмоциональную основу человеческой деятельности. Дом является одним из важнейших эмоционально-ценностных понятий, составляющих систему этнической идентичности. Писатели-иммигранты, находясь вдали от родины, воспроизводят «виртуальный» образ родного дома в своих произведениях. Как отмечают исследователи, независимо от стратегии аккультурации «дом» для иммигрантов располагается на расстоянии тысячи миль [4, с. 1].

В мультикультурных произведениях функционирование топоса утраченной родины проявляется через категории реконструкции, поиска «культурных следов», традиции этнокультурной группы. Возвращение к «пространству» для писателя является возвратом к самому себе как члена определённого сообщества, обретением основ личностной идентичности. В современной литературе топос «утраченной земли» разворачивается через семантизацию художественного хронотопа, а также через авторские нарративные стратегии, цель которых – рассказ о частной жизни индивида в рамках литературного произведения.

Прародина мексикано-американцев – Мексика – воспринимается писателями этой этнокультурной группы, работающих в жанре этнической автобиографии, во-первых, как мир детства, что, разумеется, является центром их пространственных характеристик. Мифологическое пространство детства становится как основным строительным материалом и самой сущностью художественного творчества, так и онтологической категорией (примером может служить становление героя-рассказчика в отношениях «Я» – «мир», поиски жизненных ориентиров).

В художественном пространстве не менее важны взаимоотношения автобиографа с местными видами, ландшафтами, природой родного края. Топос Мексики в автобиографической прозе чикано реализуется через изображение органической связи культуры с природными образами и мотивами, её «укоренённостью» в свою землю. Исследователь латиноамериканской литературы Андрей Кофман отмечает, что в попытке укоренить себя на собственной земле проявляются признаки ностальгии, что-то вроде некоей духовной отдалённости между художником и его землёй. Учёный резюмирует: это расстояние можно пройти через таинство искусства [1, с. 99]. Итак, латиноамериканское пространство в большинстве литературных примеров понимается именно как естественное. Обратим внимание на специфическую константу инаковости в таком восприятии пространства: художник чикано склонен усматривать в естественности характерную черту мексиканской «доли» своего художественного мира и противопоставлять её миру «западному», искусственному и урбанистическому.

Мексикано-американские автобиографические писатели воспринимают территорию современной Мексики и как поликультурное пространство, где с разной степенью толерантности друг к другу, но, в общем, мирно контактируют этнокультурные и религиозные первоначала. Современные автобиографии чикано, в которых изображается мексиканское пространство, закономерно отражают разнообразный характер культуры этой страны, но непременно под знаком единения этнокультурных групп, языков и культур. Всё чаще рядом с изображением этих почти идиллических отношений различных сообществ в произведениях художников топос Мексики приобретает специфическую роль медиатора встречи цивилизаций уже в недалёком будущем.

Итак, стилистика топоса Мексики в автобиографическом корпусе литературы чикано овеяна сентиментально-ностальгической тональностью прошлого, которая мифологизирует всё, сохранённое в памяти индивида. По нашему мнению, можно говорить о функционировании пасторальных мотивов и настроений в структуре мексикано-американских автобиографических произведений. В пространстве «текста как дома» отражаются внутренние конфликты этнокультурного автобиографа: артикулируется несовместимость авторского хронотопа (личностная идентичность конструируется нарративной техникой «здесь и сейчас») и сюжетного хронотопа (в прошлом как цели нарративного квеста он предпочитает видеть идиллию, наслаждаться ностальгическими воспоминаниями). В «классических» образцах автобиографии чикано противопоставление «далёкий» – «близкий» понимается специфическим способом: современность предстаёт далёким, непонятым хронотопом, прошлое видится родным, освоенным.

Ричард Родригез, на наш взгляд, осознаёт видимость и как выражение банально-ностальгических чувств, и как идеализацию в своих произведениях топоса Мексики. После публикации «Голода памяти» Т. Ривера в отзывах на роман писал о родригезовских попытках убежать от своего прошлого. По его убеждению, это бегство является «символом давления процесса американизации» [2, с. 73], а для ускорения этого процесса Родригез отрицает свои этнокультурные корни и «совсем не ценит испанский язык, мексиканскую культуру и искусство» [2, с. 73]. Эти упреки оказались впоследствии преувеличенными: в романе «Время долга» писатель заостряет внимание читателей на важной роли Мексики и испанского языка в собственной жизни, судьбах других американцев мексиканского происхождения. Он пишет: «Мексику не интересовали паспорта; Мексика интересовалась кровными связями. Неважно, как далеко ты уехал – всё равно ты принадлежишь ей» [3, с. 57]. Мексика не признаёт чикано, она может принять название «мексикано-американцы» лишь как фикцию или неудачную шутку истории.

В анализируемом романе автор с иронией описывает путь своих родителей к новому дому – Америке – и рассказывает об их беззаветной преданности Мексике: «в двадцатилетнем возрасте они оставили Мексику: мать переехала вместе со своей семьёй, отец путешествовал сам... На одном из многочисленных национальных мексиканских праздников, которые всплывают из памяти моего детства, человек из толпы наполнил лёгкие американским воздухом и истерически завизжал: «Да здравствует Мексика!» Все горячо поддержали этот лозунг. И мои родители тоже. Музыканты заиграли громче. Почему «Да здравствует Мексика»? Страна, которая предала их?! Мексика, которая заставила жить где попало?.. Мексика была частью памяти – но не моей» [3, с. 53].

С первых страниц «Времени долга» становится понятно, что роман не представляет образец «драмы примирения с прародиной»: «Калибан не вернётся со своей телевизионной командой на этот остров в поисках своих корней» [3]. В прологе автобиографического произведения Родригез представлен американским репортёром, который готовит цикл документальных фильмов о США и Мексике для британской телекомпании. Здесь, как и в первой своей автобиографии, он остаётся бескомпромиссным критиком при рассмотрении взаимоотношений поколений этнокультурных семей и их культурного наследия. Но если «Голод памяти» назван автором «яркой пасторалью среднего класса», то начало «Времени долга» – первый день пребывания автобиографического героя в Мексике – можно назвать антипасторальным: «Я стою на коленях, скорчившись в судорогах тошноты. Эта тошнота сопровождается звуками, напоминающими собачий лай. Казалось, все те испанские слова с моим ужасным произношением, которые я заставлял себя в течение дня говорить, выходили длинными рвотными потоками. Я кричу во всю глотку в Мехико-сити» [3]. Далее, посредством изображения ряда подобных откровенно натуралистических сцен (рвота от звуков испанского языка, колоритности окружения и вида пищи в Мехико) Родригез выражает несовместимость своей ранее декларируемой ассимилированной американской идентичности с Мексикой.

Несомненно, для него поездка в Мексику не является возвращением в «потерянный рай»: он не проводит время на мексиканских кладбищах «в поисках могил своих безымянных предков», «мексиканские руины не являются для него предметом особого интереса» [3]. А. Кофман пишет, что «ни настоящее, ни будущее не имеют для латиноамериканского художественного сознания той значимости, которую имеет прошлое» [1, с. 99]. Анализируя указанные эссе писателя, убеж-

даем, что в его ситуации внутренний голос прошлого не пробуждается при «общении» с внешними объектами – символами прошлого. Как поясняет автор, его пребывание в стране началось с поиска села, в котором он никогда не был, это место взято из его детского воображения и памяти родителей. Таким образом, Родригез для себя и для телевизионной аудитории создаёт стереотипный образ мексиканского села. В конечном итоге автор предлагает конструкт мифического мексиканского прошлого, которого он не знает, и поэтому оно остаётся «виртуальным». Родригез мог бы посетить именно то село, из которого родители отправились в Калифорнию, но, очевидно, оно не оказалось достаточно живописным – и американский репортёр «заключает сделку» с историей, предлагая зрителям ту продукцию, которую они хотят потреблять. Образ мексиканского прошлого для Родригеза предстаёт ностальгическим сном, где медиаторами являются миф и память.

Имплицитно выражена авторская ирония по поводу выбора именно его кандидатуры для работы в упомянутом документальном проекте: «Человек, который провёл много лет, повернувшись спиной к Мексике, должен представлять европейской аудитории историю и культуру ацтеков и майя» [3]. По выражению литературоведа П. Гуахардо, писатель осуществляет «возвратное иммиграционное путешествие» (*reverse immigration trip*) из Калифорнии в Мексику во времени пространстве, смене поколений [2, с. 97]. К этому шагу его подталкивает, как сам Родригез отмечает в первом разделе «Родительская деревня», «чувство долга» и, кажется, вины [3]. Под вопросом статус Мексики как аутентичного и понятного источника этнической идентичности для чикано. До последней строчки романа Родригез продолжает корректировать пасторальный образ Мексики как страны с природным и провинциальным прошлым.

Пасторальный модус в широком смысле понимают как «структуру чувства», которая выстраивается вокруг «контрастов между такими оппозициями, как “урбанистический” – “сельский”, “цивилизация” – “природа”» [2, с. 101]. В пасторали видят условно изображённую модель ретроспекции, в которой доминантной характеристикой является печаль о потере дорогого сердцу места [2, с. 101]. По мнению Р. Сальдивара и Дж. Клиффорда, соответствующая пасторальной модальности, роман «Голод памяти» конструирует гомогенное видение публичной жизни современного американца, представителя среднего класса, хотя в то же время, «частная сторона идентичности индивида (Родригеза) изображается абстрактно, схематично, и отягощается к изображению архетипических образов» [2, с. 102]. Критики утверждают, что при условии пасторальной формы в автобиографическом произведении предусматриваются особые отношения между частной и публичной «частями» идентичности индивида, причём они обостряются именно из-за того факта, что частное всегда происходит из сферы семейного и является лингвистическим конструктом [2, с. 102].

Эссе «Индия», «Дети Мексики», «Однажды в Афинах», входящие в анализируемый автобиографический роман Родригеза, рассказывают о пребывании автобиографического героя в Мексике. Читатель наблюдает за героем – туристом, чужаком, который, подобно другим «гринго», и решается даже выпить воды [3]. Автор искажает и реорганизует троп пасторали для выдвигания на передний план тех проблемных блоков, которые, согласно мнению Сальдивара и Клиффорда, являются центральными: этнокультурные корни, культурная «чистота», связь этнокультурно инертности и пасторальности [2, с. 102].

Родригез лишает Мексику пасторального флёра как страны аборигенной, статической. Оубеждён, что такой взгляд ограничивает понимание богатой мексиканской истории и бурной современной жизни мексиканцев. Писатель выступает с критикой попыток мексиканских и мексикано-американских националистов навязывать конструирование идентичностей своих этнокультурных групп с помощью упрощённой, по его мнению, версии прошлого страны, в котором недооценивается влияние католицизма и колониализма на развитие Мексики. Вместо ностальгирующей по прародине идентичности, Родригез предлагает рассматривать провозглашённые Мексикой ценности как общечеловеческие. По Родригезу, мексиканец и мексикано-американец являются субъектами истории, которые доказали свою мобильность, открытость к восприятию новых жизненных сценариев, и отнюдь не ограничены ощущением земли [3, с. 201].

Писателя удивляет отрицание Мексикой европейской «частицы» в национальной идентичности мексиканца, но не менее его удивляет противоречивое отношение к своему индейскому прошлому, «которым они гордятся, но хотят забыть об этом влиянии сегодня» [3, с. 24]. Для Родриг

за-американца, которому было бы «уютно» с идеями метисизации и гибридизации, мексиканская убежденность в единой индейской основе своей национальной идентичности становится причиной для дистанцирования от мексиканских корней: «Мексика – величественный музей антропологии, самый прекрасный в мире для чествования индейской праматери» [3, с. 14]. Из-за этой очевидной дистанции автобиографический герой называет себя «озадаченным американским туристом, который случайно попал в Мексику» [3, с. 15]. Изображением своего смущения во время пребывания в Мехико писатель убеждает в том, что больше приближается к состоянию, которое он сам называет «мексиканским взглядом на жизнь, которого всегда придерживался его отец» [3]. Вторая часть названия романа находит своё содержательное подтверждение в центральной теме произведения – сложившемся конфликте вокруг столкновения американского образа мышления сына и мексиканского мировоззрения отца.

Итак, Мексика для автобиографа предстаёт в двух ипостасях: во-первых, как огромная людская масса, на которую он физически похож, но которой и боится, а во-вторых, как связь с отцом. Постоянные колебания Родригеза в идентификации себя с людьми и местами Мехико становятся сквозным мотивом рассказов о его путешествии. Страх потеряться в толпе Мехико блокирует получение Родригезом любых впечатлений от города. Снимая сцены в Тихуане, например, он признаётся горничной в гостинице в том, что проводит там день для того, чтобы вернуться для ночёвки в Сан-Диего. А дальше он ещё более откровенен: «Из-за того, что Мехико и я одного, коричневого, цвета, боюсь потеряться здесь» [3, с. 96].

Писатель, кажется, только в зрелом возрасте делает попытки «договориться» со своей этнической идентичностью. Многолетнюю неспособность достичь этого Родригез обозначает как «расторжение союза Мексики и Калифорнии» и «напряжение, которое не отпускало его всю жизнь» [3, с. 202]. Как отмечает автор, он находит метафизическое расстояние между этими двумя географическими точками более протяжённым, «чем способна вместить любая карта» [3, с. 202]. Но одновременно писатель спешит заверить читателя, что это расстояние является в той же степени и близким, «подобно маскам трагедии и комедии, что изображаются над театральными сценами» [3, с. 203]. Путём примирения двух своих культурных наследий Родригез настаивает на отказе от решения внутреннего конфликта на подобие сопоставления «комедия - трагедия». По его мнению, «Время долга» демонстрирует упомянутую авторскую позицию: «Жизнь – это не комедия или трагедия, а то и другое, её я бы лучше назвал третьей шекспировской категорией – историей. Калифорния и Мексика, протестантизм и католицизм, комедия и трагедия не могут оставаться обособленными» [3, с. 203].

Заметим, что автор не высказывает предположения, будто Соединённые Штаты Америки находятся на высшем эволюционном уровне по сравнению с Мексикой. Он описывает мексиканцев города Тихуана как в большей степени «американцев» (с оптимистическим взглядом на жизнь), но зато истощённые американцы, жители калифорнийского Сан-Диего, представлены как люди с трагической душевной организацией. Родригез добавляет к этим декларациям ещё и то, что Мехико является «столицей модерности» в смысле его мультирасовой, этнически разнообразной природы, тогда как Нью-Йорк таким местом ещё не стал (имеется в виду 1992 год). Мехико, убеждает автор, на несколько веков модней, чем расово «чистый» Токио: «Мехико – столица современной цивилизации ... оно выдвинуло на первый план задачу для культуры XXI века – возрождение старого, известного мира через гибридизацию рас» [3, с. 204]. Последний концепт стал центральным в заключительном романе трилогии «Коричневый: последнее открытие Америки».

Итак, Родригез не фокусирует читательское внимание на физическом или духовном путешествии из Мексики в Соединённые Штаты, его также не интересуют социоэкономические условия в этих странах. По нашему мнению, это путешествие становится ревизией, корректировкой автором собственной идентичности через изменение в его мировоззрении, которая состоялась в описываемое в автобиографии время. Вторая книга родригезовской трилогии отражает мироощущение зрелого человека, который постоянно получает удовольствие от соблюдения границ, определяющих его жизнь. Он пишет: «Молодые годы моей жизни были обозначены протестантским оптимизмом. Теперь, после сорока лет, я склоняюсь больше к мексиканскому “взгляду”, хотя часть меня продолжает сопротивляться циничности Мексики» [3]. Слова писателя служат подтверждением распространённому мнению о «многослойности» идентичности представителя

этнокультурной группы, которая формируется не безусловным принятием того или иного мировоззрения, а в процессе медленного и мучительного срачивания воздействий со стороны неоднородных и часто взаимопротиворечащих источников.

Список литературы

1. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.
2. Guajardo P. Chicano Controversy: Oskar Akosta and Richard Rodriguez. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2002. 133 p.
3. Rodriguez R. Days of Obligation: An Argument with My Mexican Father. New York: Penguin Group, Inc., 1992. 230 p.
4. Writers on America: Fifteen Reflections. Washington, D. C.: Office of International Information Programs, 2002. 61 p.

УДК 82.282(925.16)

Л. М. Любимова,

*Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия*

Региональная литература как способ отражения особенностей локального сознания и пути его вербализации

В статье рассматриваются вопросы забайкальской лексикографии, анализируются региональные словари языка писателя, а также предлагается новый проект создания словаря, источником которого является региональная литература.

Ключевые слова: *забайкальская лексикография, региональная литература, региональная лингвистика, словарь языка писателя.*

The article considers some issues of Zabaikalian lexicography. It also presents the analysis of the regional dictionaries devoted to the writer's language. A new lexicographic project is suggested: the compilation of a dictionary based on the regional literature.

Keywords: *Zabaikalian lexicography, regional literature, regional linguistics, a writer's language dictionary.*

Интенсивное осмысление специфики региональных культур в последние десятилетия оформило ряд новых проблем, связанных с их развитием и логикой исторического существования. Богатым источником проявления региональной культуры, локального национально-культурного компонента в лексическом фонде языка является региональная литература, способствующая укреплению исторической памяти этносов, проживающих в отдельно взятом регионе. С другой стороны, исследовательский интерес к проблеме регионального существования человека и этноса послужил толчком и к оформлению региональной лингвистики, которая длительное время определяла поле своего исследования, реализуясь в нескольких направлениях. По существу она призвана решать комплекс проблем, характеризующих языковое состояние региона, его лингвоэтническую специфику.

Познанию региональности лингвокультурного пространства, проникновению в социокультурную реальность способствуют издания лексикографического жанра. Лексикографический метаязык призван отразить лингвокультурную реальность в разных аспектах: историческом, территориальном, ономастическом, фразеологическом.

Забайкальская лексикография на данном этапе своего развития представлена диалектными словарями, историческими, топонимическими, а также следует отметить опыт издания и словарей языка забайкальских писателей, авторами которых являются учителя-филологи забайкальских школ.

Научное издание

**Россия – Запад – Восток:
Взаимодействие культур и литератур**

Международная научная конференция

22–23 октября 2015 г.

На обложке использован материал, взятый из интернет-источника

(URL: <https://yandex.ru/images/search?p=6&text=%D1>)

(URL: <https://yandex.ru/images/search?p=1&text=%D1>)

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка Н. Ю. Добрецькой

Подписано в печать 15.12.2015.

Формат 60×84/8

Бумага офсетная. Способ печати цифровой.

Усл. печ. л. 16,0. Уч-изд. л. 13,8.

Заказ № 24315. Тираж 100 экз.

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30